

На одной из встреч учащихся МДАиС со своим ректором, епископом Верейским Евгением, из зала прозвучал вопрос о том, существует ли какая-либо программа по развитию связей между Духовными школами Русской Православной Церкви. В своем ответе, владыка Ректор указал на деятельность нашего журнала. Незадолго до этого он поддержал инициативу редакции, направленную на установление контактов с Духовными Академиями и Семинариями, в некоторые из которых были даже разосланы письма с предложениями сотрудничества на почве издания "Встречи".

С большим интересом нашу инициативу встретили учащиеся Санкт-Петербургских Духовных школ, образовавшие небольшую группу по сотрудничеству с журналом. Надо отметить, что к почину студентов с пониманием отнесся Ректор СПбДАиС, епископ Тихвинский Константин, пообещавший оказывать им возможную помощь.

Ниже мы публикуем материал, предоставленный нашими друзьями из Петербурга, и надеемся, что их деятельность уверит всех нас в возможности и эффективности такого рода студенческих контактов.

"Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы" как этап религиозного развития поэта

Осенью 1830 года Пушкин покинул Москву и направился в Нижегородскую губернию, в село Болдино. Он ехал в это родовое имение своего отца, чтобы принять во владение ту часть, которую выделил ему Сергей Львович по случаю предстоящей женитьбы, но не в предвкушении будущего семейного счастья, а в душевном смятении — между ним и его будущей тещей произошел конфликт, так что намечавшееся бракосочетание могло быть отложено на неопределенный срок. "Я уезжаю, рассорившись с госпожой Гончаровой, — писал поэт князю Вяземскому. — Я не знаю еще: расстроилась ли моя свадьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь, раскрытую настежь".¹

Своему предприятию Пушкин предполагал посвятить две-три недели, но обстоятельства вынудили его пробыть в Болдине три месяца: началась холера. "Я живу в деревне, как в остроге, окруженный карантинными", — читаем мы в письме, адресованном барону А. Дельвигу.²

Теперь к неуверенности в своем положении, к неприятной изоляции от внешнего мира, сравнимой им самим с тюремным заключением, присоединились и переживания, связанные с боязнью за здоровье и жизнь будущей жены, от которой в самый тяжелый период болдинского заточения он не получал писем. "Я совсем потерял мужество"³, — эти слова звучат рефреном во многих пушкинских письмах той поры.

Подобное состояние неустойчивости и внутреннего волнения, которое могло привести в тупую бездея-

¹ Пушкин А. С. Письма. т. 2 — М.-Л., 1928. С. 462

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 109.

тельность посредственную личность, для Пушкина явилось плодотворным, так что он словно пробудился к возвышенным мыслям и глубоким переживаниям. Поэтому в Болдине "Пушкин предался творчеству с жаром и постоянством, которые поистине могут привести в изумление".⁴ "Скажу тебе за тайну, что я в Болдине писал, как уже давно не писал," — признавался поэт Плетневу.⁵ Предчувствие такого плодотворного периода было у него еще в Москве, где он писал: "Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает".⁶

Дорога в Болдино смогла несколько отвлечь поэта от его забот, поэтому по прибытии в имение он докладывал Плетневу: "Теперь мрачные мысли мои порассеялись, приехал в деревню и отдыхаю".⁷ Но ощущение покоя ненадолго посетило его. Известные обстоятельства вернули тревогу и волнение. Впрочем, это, как нам думается, и явилось одной из причин творческого подъема. Именно в Болдине Пушкиным были написаны: "Домик в Коломне", "Скупой рыцарь", "Моцарт и Сальери", "Пир во время чумы", "Дон-Жуан", пять "Повестей Белкина", "Летопись села Горюхина", две последние главы "Евгения Онегина" и около тридцати стихотворений. Кажется, что всего этого могло хватить для того, чтобы сделать его имя знаменитым. Там же, в Болдине, в октябре 1830 года, Пушкиным было написано стихотворение, озаглавленное несколько громоздко: "Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы".

Среди пушкинских бумаг того времени сохранился один любопытный листок. На одной его стороне начертано крупными буквами слово "Зависть" (так прежде называлась трагедия "Моцарт и Сальери"), а на другой стороне вчерне написаны стихи:

*Мне не ститя, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный,
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скушный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.*

А рядом с ними располагалось еще одно стихотворное повествование:⁸

*В начале жизни школу помню я.
Там, маленьких детей, нас было много.
Как на гряде одной — цветов семья,
Росли не ровно мы; за нами строго
Смотрела некая жена...*

Элемент таинственности, свойственный этим двум стихотворениям, их соседство на листе друг с другом, а также с одиноким словом, как бы кричащим на всю пустоту страницы, не могут не обратить на себя внимание. Очевидно, что "Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы" — мистическое, то есть таинственно-религиозное стихотворение, имеющее свою внутреннюю жизнь. Этому можно, как будто, успешно возражать, объясняя особое настроение этих стихов известным психологическим состоянием поэта, обострившимся из-за бессонницы. Но мы, вчитываясь в пушкинские строки, можем заметить, что переживания, отраженные в них, все же более глубоки, что бессонница, ночная мгла и прочее — это символы, или прообразы чего-то иного, отличного от простого проявления физиологических и нервно-психических процессов.

Несомненно, что обычное состояние бессонницы характеризуется каким-то обостренным восприятием реальности. Если при этом человек начинает углубляться в себя, то его сознание словно приходит в соприкосновение с некоей границей собственного бытия. Это часто рождает мучительные своей неразрешимостью вопросы и еще более мучительную жажду ответа на эти вопросы. Человек, лишенный религиозного мировосприятия, неукорененный в вере, не может не прийти в ужас от той леденящей тьмы, которая обволакивает все его существо при мысли о смерти, он хочет найти ответ на преследующие его вопросы, но найти его в самом себе не может. Так можно начать попытку реконструировать внутреннее состояние поэта в ту ночь. То, насколько эта попытка правомочна, будет видно из дальнейшего.

Итак, осенней болдинской ночью поэт не мог уснуть, мучимый бессонницей и тревогой, а может быть, и мыслями о жизни и смерти, неожиданно посетившими его. Он не спал тогда, когда весь мир спал, окутанный тьмой ночи. Уже даже в этом поэт мог увидеть образ всеобщей нечувствительности к такому вопросу, как вопрос о смысле жизни. Вспомним, что той же осенью им была написана трагедия "Пир во время чумы", изобразившая "потрясающий контраст между священным таинством смерти и легкомыслием людей, способных отдаваться наслаждению на краю

⁴ Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 262

⁵ Там же.

⁶ Пушкин А. С. Ук. соч. С. 104

⁷ Там же. С. 106

⁸ См. Анненков. Ук. соч. с. 283

могилы".⁹ Трагизм в этом сочинении достигает своего апогея тогда, когда на бездумную вакханалию пирующих приходит священник со словами гневного обличения:

*Безбожный тир, безбожные безумцы!
Где пиришеством и песнями разврата
Блуждаете над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной.*

Люди не хотят думать о смерти даже на самом ее пороге, бегут мыслей о ней в поисках минутного забвения.

В ночной тьме, в разверзающейся мрачной тишине Пушкин слышал "ход часов лишь однозвучный" как настойчивое напоминание о неумолимом движении времени, которое в конце концов подомнет под себя все и вся. Сквозь бег времени отчетливо, хотя и неуловимо, проступает вечность, лишаящая всякого смысла "мышью беготню жизни".

*Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?*

— обращается далее к чему-то поэт. Быть может, эти слова относятся к настроению, охватившему поэта? Думается, что ответить на этот вопрос нам сможет помочь слово, сопутствующее слову "шепот". Пушкина тревожит *скучный шепот*. И тут невольно вспоминаются строки "Сцены из Фауста":

*Мне скучно, бес! — Что делать, Фауст,
Такой положен нам предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скушает...
И всяк зевает да живет,
И всех нас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.*

Скуку навевает Фаусту Мефистофель, скучают, тоскуют от душевной пустоты и сознания бессмысленности всякой деятельности и творчества и другие герои, не только в сочинениях Пушкина, но также и у других современных ему авторов. "Это сомнение и отчаяние, эта богооставленность и безверие во многом были следствием крушения того мировоззрения, которое утвердилось в европейском сознании с эпохи гуманизма, когда было возрождено светлое "эллинское" представление о гармоничном, упорядоченном космосе и человеке как образце совершенства".¹⁰ Литература и жизнь русского общества XIX века ярко свидетельствует о кризисе гуманизма. Конечно, Пушкин — дитя своего времени, но внут-

Царскосельский образ "Знамения" Божией Матери

ренняя гармоничность его личности говорит о том, что он вобрал в себя еще с детства оптимистичность XVIII столетия, в последний год которого он появился на свет. Но объясняется ли только этим гармония его творчества? Да, Пушкин протестует против скуки, но нет в нем и веры в высокое достоинство и всемогущество человека. Вспомним его трагедию "Борис Годунов", вскрывшую человеческое несовершенство, темные бездны человеческой души — измену, продажность, клятвopреступление. Так что протест его против скуки похож больше на протест христианина, а не на протест вольтерьянца.

Но как тогда нам назвать то, к чему (или к кому) обращался поэт осенью 1830 года? Что же все-таки посетило его? Что это за таинственное "Ты", на которое Пушкин обрушивает свои вопросы? Думается, что не к плохому настроению, не к докучному сну, не к однозвучному ходу часов, не к лепетанию парк — языческой богини судьбы, не к беготне жизни обращается поэт. А если предположить, что "ты" — это нечто личностное, что ни на миг не отступает от человека, раз оно так тревожит Пушкина? Не является ли этим "ты" — дьявол?.. В своих "Записках" А.О.Смирнова передает нам диалог Пушкина и Тургенева. "Я вижу, что у тебя самые правверные воззрения насчет лукавого," — сказал Тургенев. А Пушкин на это ответил так: "А кто же тебе сказал, что я

⁹ Анастасий, митр. Пушкин и его отношение к религии и Православной Церкви. С. 20

¹⁰ Грачева А. Достоевский Ф.М. и Тютчев Ф. И. о человеке и истории // Русское возрождение. № 62 (1), 1995. С. 46

неправоверный? Я верю Библии во всем, что касается Сатаны: в стихах о падшем духе, прекрасном и коварном, заключается великая философская истина. Безобразия никого не испугало, и нас оно не очаровывает".¹¹ Таковыми были слова человека, в молодости увлекавшегося Вольтером и стремившегося ему всячески подражать.

Вообще же жизнь Пушкина и его творчество начиная с конца 20-х годов свидетельствует о большой перемене, происшедшей в нем, которая заставляла его сожалеть о некоторых поступках мятежной молодости, совершавшихся им по научению Сатаны (приведенные слова Пушкина позволяют нам выразиться вполне определенно). Скучный шепот, слышанный им болдинской осенью 1830 года, рождал воспоминания прошедших лет, воспоминания, не ласкающие или умиротворяющие, но укоряющие и ропщущие. Пушкин образно говорит о прошедшем дне, как о дне утраченном, имея в виду прожитую жизнь. На что потратил свои юные годы поэт? Мы знаем молодого Пушкина как горячего поклонника Вольтера, как вольнодумца и страстного бунтаря, писавшего немало легкомысленных стихов.

Но исчерпывается ли этим молодой Пушкин? Ведь еще в лицейский период, в 1817 году, когда он еще не до конца отдался духу времени, написал стихотворение "Безверие". Христианская совесть, воспитанная в нем с детства, словно укоряла поэта в том, что он попрал христианские начала жизни. Вот, почему на одном листе со "Стихами, сочиненными ночью во время бессонницы", появляются и другие:

В начале жизни школу помню я...

Известны некоторые попытки расшифровать это стихотворение, объяснить, кто эта "величавая жена", упоминаемая в стихотворении. Митрополит Анастасий видел в ней Церковь¹², а Б.А. Васильев утверждал, что образ этой "Жены" исходил из иконы Богородицы "Знамение", находившейся в Знаменской Церкви, построенной императрицей Елизаветой Петровной в березовой роще — рядом с Лицеумом¹³.

И действительно, все эти объяснения очень похожи на правду. "Но я вникал в ее беседы мало", — говорит поэт, дичившийся ее советов и укоров и убегавший в "великолепный мрак чужого сада", где его влекли "двух бесов изображенья", "лживых, но прекрасных", которые сковывали его унынием и ленью. "Все куми-

ры сада на душу мне свою бросали тень", — заканчивает Пушкин это стихотворение. Как удивительно созвучны образы этого стихотворения образам "Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы"!

Но вспомним еще одно стихотворение поэта, написанное им в том же 1830 году, — стихотворение "Бесы". Случайно ли, что оно имеет такой же размер и такую же тональность, что и "Стихи..." "Бесы" — это не просто фантастические рисунки, в которых своевольно запутаны черты народной жизни и фантазии", — как говорил об этом стихотворении А.П. Анненков¹⁴, но это сознание гибельности того пути, по которому шел поэт и все образованное русское общество, признание реального участия в этом пути бесовских сил. И если принять это утверждение, то станет понятным и упоминавшееся нами выше слово "завистник".

Итак, "в 1830–31 годы молодость Пушкина кончилась, — верно замечает Н.Эйдельман. — Немолодым он прожил еще 7 лет".¹⁵ — Действительно, в 1830–31 годы Пушкин стал иным, одновременно потеряв понимание у молодого поколения, которое хотело знать его лишь как автора дерзких, вольных, запрещенных стихов, не прощая ему того, что он посмел стать иным. "От них, — писал В. Г. Белинский о стихах Пушкина, изданных в 1835 году, — не закипит кровь пылкого юноши, не засверкают очи его огнем восторга".¹⁶ В 1831 году при всеобщем молчании и равнодушии выходит трагедия "Борис Годунов". И это понятно, потому что вместо потакающих человеческим страстям стихов, Пушкин обращается к сущности человека и к смыслу его существования, обращаясь к той реальности, о которой в образованном обществе 30-х годов и говорить было неприлично. Нежелание, боязнь открыть свои истинные мысли и чувства начертали над стихотворением "Бесы" пометку — "шалость" и затеряли среди прочих бумаг лист со стихами, написанными болдинской осенью.

Поэтому 1828–30 гг. можно считать рубежом, переломным этапом в мировоззрении поэта, временем его обращения к вечным истинам христианства. В этом периоде его творчества "Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы" занимают видное место. Они позволяют нам представить картину жизни и творчества поэта более полно и органично.

Виталий Акимов, II курс СПбДА

¹¹ См. Анастасий. Указ. соч. С. 33

¹² Там же. С. 56

¹³ Гришунин А.Л. Царскосельская икона Божией Матери "Знамение" и стихотворение А.С.Пушкина "В начале жизни школу помню я..." // Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. IV. СПб., 1994. С. 7

¹⁴ Анненков. Указ. соч. С. 282

¹⁵ Эйдельман Н. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826—1837. М., 1987. С. 346

¹⁶ Белинский В. Г. ПСС. Т.1. М., 1954. С. 139—140.